

Провинциальный дискурс русской культуры*

Т.С. Злотникова

*Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия*

Аннотация

В статье представлено оригинальное авторское исследование проблематики русской провинции как социокультурного и психологического феномена, художественно-образного комплекса и философской метафоры. Русская провинция была маркирована и автором настоящей статьи, и рядом коллег из других российских регионов как специфический духовный феномен, лишенный прямых географических или социально-политических координат и насыщенный ментально детерминированными признаками. Выявлен хронотоп русской провинции как проблема междисциплинарного изучения. Доказывается, что русская провинция – это не просто среда, ландшафт, образ, место действия, она воплощение морфологии российского социально-географического и культурно-исторического пространства. Хронотоп русской провинции – это реализация противоречивых ощущений и восприятий, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стертость парадоксально сочетаются в одном, широко раскинувшемся и в то же время тесном пространстве. Необходимым и актуальным является решение вопроса о том, насколько разнообразно проявляется в текстах культуры, как художественных, так и научных, сложный корпус компонентов научной метафоры «русская провинция», выявленный автором настоящей статьи и коллегами-исследователями по Ярославской научной школе. В данный корпус мы включили и в свое время обосновали как универсально значимые такие компоненты, как «пространство», «время», «личность», «текст», «символ», а также определили специфически значимые компоненты: «хронотоп», «сказка» и некоторые др. Материальная составляющая провинции – город – верифицируется в синергетическом, семиотическом, герменевтическом аспектах. Ментальная составляющая актуализируется через

*Выполнено в соответствии с планом работы на 2019 г. Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

мотивы человека скучающего, человека творящего, а также маргинала. Сопорой на суждения философов (Н. Бердяева, В. Розанова, В. Соловьева) и представителей художественной сферы (Н. Некрасова, А. Чехова, И. Тургенева) делаются выводы о том, что русская провинция приобрела качество сложного художественного образа и философской метафоры. Это является следствием того, что русская провинция принципиально негомогенна как в прошлом, так и в настоящем. По аналогии с известным парадоксальным словосочетанием Вл. Соловьева («русский европеец») к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская». Таким образом, русская провинция в ее консервативности и динамичности – это неиссякаемый источник культурных смыслов и вызывающий интереса объект изучения.

Ключевые слова: русская провинция, дискурс, культура, материальная и ментальная компоненты, хронотоп.

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры культурологии, научный руководитель Национального исследовательского центра Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

cij_yar@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Для цитирования: Злотникова Т.С. Провинциальный дискурс русской культуры // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 14–26.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26

Provincial Discourse of Russian Culture*

T.S. Zlotnikova

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

Abstract

The article presents the original research of the problems of Russian province as a socio-cultural and psychological phenomenon, artistic-figurative complex and philosophical metaphor. The Russian province was marked both by the author of this article and by a number of colleagues from other Russian regions as a specific spiritual phenomenon, devoid of direct geographical or socio-political coordinates and saturated with mentally determined features. The chronotope of the Russian province is re-

* The article is prepared within the framework of the research program in 2019 of “The World of Russian Province” National Research Center of the Yaroslavl State Pedagogical University.

vealed as a problem of interdisciplinary study. It is proved that the Russian province is not just an environment, landscape, image, place of action, it is the embodiment of the morphology of the Russian socio-geographical and cultural-historical space. The chronotope of Russian province is the embodiment of conflicting feelings and perceptions, according to which the uniqueness and belittlement, brightness and effacement paradoxically combined in one, widely spread and at the same time close space. It is necessary and urgent to reveal how the corpus of the components of the scientific metaphor “Russian province” revealed by the author of this article and colleagues-researchers at the Yaroslavl scientific school is manifested in the texts of culture, both artistic and scientific. In this corpus we have included and at the time justified it as the universally significant concepts of space, time, personality, text, symbol, and as specifically significant, first of all, chronotope, boredom and some others. The material component of the province – the city – is verified in synergetic, semiotic, hermeneutic aspects. The mental component is actualized through the motives of a bored person, a creative person and a marginal person. Relying on the opinions of philosophers (N. Berdyaev, V. Rozanov, V. Solovyov) and representatives of the artistic sphere (N. Nekrasov, A. Chekhov, I. Turgenev), the author concludes that the Russian province has acquired the quality of a complex artistic image and philosophical metaphor. This is a consequence of the fact that the Russian province is not homogeneous, it is multi-component, has different levels and different vectors of existence. By analogy with the well-known paradoxal phrase of V. Solovyov (“Russian European”), to the noun “province” inherently joins the adjective “Russian.” Thus, the Russian province in its conservatism and dynamism is an inexhaustible source of cultural meanings and a demanding object of interest.

Keywords: Russian province, discourse, culture, material and mental component, chronotope.

Tatyana S. Zlotnikova – Doctor of Arts, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Cultural Studies, Scientific Director of the National Research Center, Yaroslavl State Pedagogical University.

cij_yar@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

For citation: Zlotnikova T.S. (2019) Provincial Discourse of Russian Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 14–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26

Введение

В середине 1990-х гг. провинциальная проблематика активно вошла в сферу научных интересов многих отечественных ученых: философов, культурологов, филологов, искусствоведов. Выдаю-

щийся искусствовед, москвич (что он подчеркивал специально и особо) Г.Ю. Стернин задумал издание коллективного труда, посвященного русской провинции, пригласив к участию исследователей из Москвы (это были Б.И. Зингерман, написавший о Гоголе, Т.П. Каждан, написавшая о русской усадьбе) и из провинции (Пермь, Саратов, Ярославль) [Мир русской провинции... 1997]. Замысел был незауряден в силу того, что москвичи писали не только о Москве, но и о провинции, а немосковские авторы писали как о своих регионах, так и об общероссийских явлениях.

Первоначальное название издания, которое мы обсуждали совместно, звучало высокопарно и обнадеживающе: «Поэзия русской провинции». После дискуссий и рассмотрения решительно приводимых доводов относительно того, что провинция далеко не только «поэтична», вовсе не только гармонична, она драматична, травматична для своих обитателей и неопознанный для пришельцев, название издания изменилось. Вместо прямолинейно-оценочного у книги появился принципиально иной, широкий, нарочито объективный заголовок, которому сегодня мы отдаем дань открываемой рубрикой: «Мир русской провинции и провинциальная культура» [Мир русской провинции... 1997]. Русская провинция была представлена как специфический духовный феномен, лишенный прямых географических или социально-политических координат и насыщенный ментально детерминированными признаками, и автором настоящей статьи, и рядом коллег из других российских регионов: Е.Я. Бурлиной из Самары, Н.И. Ворониной из Саранска [Воронина 2016], А.Б. Пермиловской из Архангельска [Пермиловская 2013], А.Ю. Тихоновой из Ульяновска [Тихонова 2019] и др.

Постановка проблемы. Хронотоп русской провинции как проблема междисциплинарного изучения

Русская провинция в историко-культурном и культурфилософском аспектах, в своей культурно-антропологической неповторимости и социально-экономической редуцированности – это предмет давнего и последовательного интереса мыслителей прошлых эпох, особенно XIX и начала XX вв., а также среда обитания множества русских творцов и их персонажей. Русская провинция – это не просто среда, ландшафт, образ, место действия, она воплощение морфологии российского социально-географического и культурно-исторического пространства [Злотникова, Летина, Ерохина, Киященко 2014]. А коль скоро мы ставим вопрос о морфологии культуры, то в качестве культурного кода, который означает собой метафору «русская провинция», предлагаем рассматривать хронотоп. Последний включает в себя универсальные

характеристики – пространство и время, обе эти категории имеют специфическое воплощение. Пространство – это фактически вся Россия кроме Москвы и Петербурга; время – это, прежде всего, субъективное ощущение и осознание пути между ареалами проживания людей.

К этому мы добавляем и психоэмоциональную характеристику – настроение тоскующих и мечтающих о лучшей жизни где-то в отдалении людей. Мы полагаем хронотоп провинции как своего рода воплощение противоречивых ощущений и восприятий, согласно которым уникальность и приниженность, яркость и стертость парадоксально сочетаются в одном колоссальном и все же локальном пространстве: «За Петербургом есть довольно обширное пространство земли, именуемое Россией <...> Некоторые петербургские жители, исключительно ограничивающие свою жизненную деятельность одним Петербургом, не знают, может быть, этих подробностей...» [Соллогуб 1991, 154].

Разработка проблематики.

Мир русской провинции: материальная конкретность и ментальная непостижимость

Мир русской провинции, будучи не только метафорически-широким концептом, но и вполне конкретной дефиницией, может быть охарактеризован с помощью определенного набора понятий. При всей их привычности следует отметить сложившийся номинативный ряд, воплотившийся в тенденциях словоупотребления.

Одна из тенденций – все большее поглощение понятием «культура провинции» базового понятия «провинциальная культура». Другая тенденция – сведение в единый логический ряд таких понятий, как «провинциальное», «региональное» и «локальное»; отметим попутно, что в нашей исследовательской практике последнему из названных понятий, наряду с первым, уделено особое внимание [Культурфилософское обоснование... 2014]. Немаловажно и то, что обращение к таким понятиям, как «географическая провинция», с одной стороны, и «провинциальное пространство» – с другой, указывает на семантический диапазон представлений о провинции в конкретном (географическом, ландшафтном) значении и в значении интроверсивного и экстраверсивного психологического, культурфилософского подходов. «Провинциал» читается лишь как указание на место жительства, тогда как «провинциализм» уже понимается в смысле отсталости и косности духа, если угодно, как бытийно негативное понятие.

Мы полагаем значимым обсуждение вопроса о том, насколько сложный корпус выявленных автором настоящей статьи и коллегами-исследователями по Ярославской научной школе ком-

понентов научной метафоры «русская провинция» разнообразно проявляется в текстах культуры, как художественных, так и научных. В данный корпус мы включили как универсально значимые категории «пространство», «время», «личность», «текст», «символ», так и специфически значимые: «хронотоп», «скука» и некоторые др. [Злотникова 2010; Модель культуры... 2013].

В России жизнь, протекающая в провинции (как обычно подчеркивается, вне столиц, в удалении от них, без связи с их культурой), порой откровенно негативно, порой со снисходительными «интонациями» соотносится еще и с особым течением времени: вне представлений о будущем, погруженная лишь в прошлое, в лучшем случае – в настоящее. Традиционная семантическая бинарность «столичное/провинциальное» несет в себе залог разочарованности и несвойственной западной культуре приниженности второго по отношению к первому.

Материальная конкретность, присущая хронотопу русской провинции, воплощается в нескольких феноменах: в природном ландшафте, в религиозных сооружениях, в сельских, прежде всего деревянных архитектурных сооружениях. Однако для современных представлений о провинции наиболее репрезентативным следует признать город, в частности *исторический провинциальный город* [Исторический город... 2010]. Феномен исторического провинциального города России мы интерпретировали и как мифологическую систему, и как макросреду обитания человека/человечества на значительном отрезке исторического пути, и как микросреду, хронотоп которой соизмерим быту и бытию современника, и, наконец, как детерминирующее социокультурное пространство, задающее образовательный модус самореализации личности. Методологическая и тематическая комплементарность уровней моделирования обеспечивает непротиворечивый, но многосмысловой образ провинциального города как культурного кода памяти.

Необходимая и активно реализуемая междисциплинарность изучения хронотопа русской провинции применительно к провинциальному городу выявляется отчетливо и последовательно. Мы с несомненностью утверждаем, что в исследованиях провинции как интегрального культурного феномена присутствуют несколько научных дисциплин (называем их без стремления выстроить научный «рейтинг», имея в виду лишь распространенность обращений). Важнейшими аспектами межнаучной интеграции являются герменевтика города (постижение смыслов материальной и нематериальной среды в ее исторической динамике и воплощениях культурной памяти), семиотика города (рассмотрение провинции через систему визуальных знаков и

поведенческих кодов), разумеется, культурная антропология города (жители провинциального города и авторы разнообразных текстов о нем, а также среда обитания во всем ее разнообразии). Особого внимания заслуживает синергетика города, поскольку провинциальная среда, прежде всего городская, предстает как своего рода культурный палимпсест, т.е. порядок, рождающийся из хаоса.

Материальная конкретность провинциальной городской среды решительно выводит исследователей на два круга проблем, содержание которых явно выходит за рамки жизни только провинциального и только исторического города, в силу чего подходы к решению этих проблем имеют шансы быть экстраполированными на изучение среды любого города, имеющего как многообразные, так и скромные культурные традиции, и, соответственно, населенного тем или иным количеством людей. Это, во-первых, *проблема контекста* формирования и актуального существования исторического города (мы называем ее «биография и мифология города») и, во-вторых, *проблема личности*, ее бытия, самосознания, повседневности, даже психофизиологических особенностей жизни (мы обозначаем ее «культурная антропология города»). Таким образом, лицо провинции и «биография» провинциального населенного пункта, в особенности города, – это культурологически осмысливаемая система, в которой равно значимы эффектная образность, вплоть до мифологизации, и скромная повседневность, скромная традиционность и эффектная модерность; иными словами, провинциальность загадочна и странна, а далеко не открыто-простодушна, на что и обращают внимание самые прозорливые исследователи [Бурлина 2016].

От материальной составляющей перейдем к ментальной. *Ментально значимую особенность русской провинции* отметил Бердяев: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактом русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [Бердяев 1990, 67].

Мы уже не раз отмечали, что психологические и социально-политические приоритеты провинции строятся на сочетании обыденного и, на первый взгляд, простодушного начала с началом возвышенным, приподнято-образным, страстным и претендующим на уникальную значимость. Так называемые местные мифы, основанные на деформации значения (идеализации) конкретных персон и событий, создаются на контрасте пафоса и прагматизма, опасливой замкнутости и удалой открытости миру. Известное

метафорическое понятие «чухлома», воплощающее представление о замшелой косности, контрастирует со страстью к «перемене мест» и при этом напоминает о теплом родовом гнезде, из которого не так-то просто выбраться к «другим берегам». Трогательная и опасливая замкнутость в сочетании с наивной жадной открытости – это ментальный парадокс русской провинции. Сочетание высокого и обыденного, странного и объяснимого простыми причинно-следственными связями, поиска и обретения, универсального и специфического представляется комплексным обоснование представления Н. Бердяева о том, что «провинциализм есть другая метафизика жизни» [Бердяев 1990, 74].

Русский человек-провинциал может и должен быть соотнесен с многократно раскритикованным и недостаточно оцененным в своей небытовой, философско-антропологической семантике понятием «мещанин», которое в исследовании В. Даля [Даль 1955, 373] вовсе не имело привычных с советского времени негативных коннотаций. Производимое от «места» (ассоциирующегося с простором и ширью, а также пустотой) понятие «мещанин», созвучное понятию «провинциал», соответствует простому жителю определенного места, в том числе труженику-ремесленнику, человеку с существенным творческим потенциалом. Полагаем, что такой вариант избавления от стереотипа «провинциала» не лишен смысла и при этом нетривиален.

Обозначим кратко выявленные нами в своих исследованиях ипостаси русского провинциала, такие как «человек скупающий», «человек творящий», «человек, отступающий от правил/маргинал».

Человек скупающий. Мотив скуки как следствия и маркера духа провинциальности был характерен для множества представителей русской культуры. Мотив скуки, то активно вторгающийся, то мерцающий на фоне множества художественных текстов (М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, Н. Некрасов, И. Гончаров, А. Островский, Л. Толстой, Н. Лесков, ранее – А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, позднее – А. Чехов, М. Горький), подчеркивал абсурдистский дискурс русской классической культуры, которая, в принципе, вся построена вокруг провинциального бытия и провинциального быта. Именно этот всеобщий характер русской провинциальности нашел резонанс и в философских рассуждениях, стоящих на грани с лирическими высказываниями: у В. Розанова, Н. Бердяева, В. Соловьева. В частности, В. Соловьеву мотив скуки как парадигмы провинциальной жизни видится антитезой «исчезающих иллюзий», выражением неосознанности жизненной цели [Соловьев 1988, 140].

Человек творящий – это особый культурно-антропологический и социально-психологический феномен, который в России весьма активно и в значительном количестве жизненных ситуаций связан с провинцией. Не говоря уже о том, что в провинциальных усадьбах жили с семьями и подолгу работали русские писатели, будь то Л. Толстой или страстно мечтавший об усадьбе, в которой, пусть ненадолго, поселился, А. Чехов. В усадьбах жили и русские художники, такие как И. Репин или целая группа уже не гостей, а постоянных обитателей Абрамцева. Не говоря о мотивах провинциальной природы, провинциальных взаимоотношений (напомним о провинциально-столичном контрасте у Пушкина в «Евгении Онегине»), обратим внимание на самосознание тех творцов, которые были и являются постоянными жителями, а не гостями провинции.

Отметим важную особенность представления о творце в провинции: уровень признания творца местными жителями вне зависимости от его общероссийской значимости весьма разнообразен, от обожествления (в Ярославле – актер Ф. Волков, в меньшей степени поэт Н. Некрасов) до признания чужаковатости как главной личностной особенности. При этом нет такого региона, города, даже и села, где существовал бы «гений места».

Назовем некоторых значимых для одной конкретной части русской провинции, а именно Ярославской губернии/области, персон, известность которых в общероссийском масштабе не является общепризнанной.

Одна такая персона – публицист-сатирик, краевед *Л. Трефолев* (1839–1905). Служа в достаточно скромных региональных структурах, связанных с сохранением документации, работая на весьма скромных чиновничьих должностях, как мы бы сказали сегодня (в частности, это была Ярославская губернская ученая архивная комиссия), Трефолев на самом деле все время наблюдал за жизнью и постоянно беспокоился о качестве этой жизни. Его волновала и ощущалась им как чрезвычайно острая проблема разворовывания не чьего бы то ни было богатства, а страны как таковой. Российская ситуация постоянно взыскует сатирического и – шире – критического анализа жизненных реалий, экономики, нравственности. Он был человеком, который чувствовал *российскую боль*. И в связи с российской «болью» стоит привести фразу из финала «Няниных сказок», которую, если бы Трефолев стал брендом Ярославля, можно было бы прикрепить рядом с адресными табличками на всех перекрестках города, где жил этот социально активный провинциал. Парадоксально по отношению ко всем описанным по ходу стихотворения ужасам (Баба-Яга разводит в ступе голод и холод) возникает призыв-надежда и призыв-

безнадежность: «Марья-царевна, свобода святая, Зорюшка наша! Да где же ты? Где ты?» [Трефолов 2015, 81].

Вторая персона – поэт К. Васильев (1955–2001), провинциал по месту рождения и по складу мыслей, по мироощущению. Ощущая себя маргиналом и формулируя это (один из его текстов так и назывался – «Маргиналии»), творец-провинциал проявлял мизантропию, называя элиту, чужую, явно столичную, маргиналами. «Поэтическая душа» не только негодовала, но откровенно злилась, удаляясь от приятия мира (в молодости, когда писал про матовый снег и малахитовый мох [Васильев 2003]). Место обитания, а это был даже не Ярославль, а поселок Борисолебский, воспринималось как клетка, а все, кто рядом или за рамками клетки, общения недостойны, единомышленников можно искать только «далеко» и «давно».

Третья персона – здравствующий, старейший в регионе журналист, фотограф, летописец своей провинции на протяжении нескольких десятилетий XX и начала XXI вв., которого мы называли типичным «передвижником», Ю. Барышев. Это патриот провинции, где прожил жизнь, фотографируя официальных лиц, землячку-космонавта В. Терешкову, вернувшегося в Россию из эмиграции писателя А. Солженицына; этой провинции повезло со своим обитателем. Он выразил едва ли не идеальное отношение провинциальна к жизни, ее месту и его людям: спокойное, но не равнодушное; живое, но не истеричное; активное, но не назойливое; ироничное, но не ерническое; заинтересованное, но не бестактное.

И позитивный жизненный опыт провинциалов, и их негативный опыт приводит к пониманию того, что творческая личность, «приписанная» к провинции и как житель, и как автор художественно-образного осмысления ее бытия, отличается характерным психоэмоциональным комплексом, вырабатываемым замкнутым существованием, к тому же изолированным от крупных цивилизационных фракталов. Самоощущение, включающее представления о недостаточной реализованности, о малом объеме перспектив и возможностей даже в эпоху Интернета, не исчезает. Малые социально-экономические возможности (издательские, выставочные) порождают стойкую меланхолию, а известные еще по реплике Н. Бердяева «пространства», отторгающие жизненные реалии одних людей от реалий других, формируют интроверсию. Стоит ли при этом удивляться тому, что провинциал-творец, провинциал-интеллигент, даже успешный и широко известный за пределами постоянного места жительства, гордо позиционирует себя как маргинала?

Да, приходится признать и необходимо еще специально анализировать представление о том, что творческая личность и маргинал – это характерная для провинции семантическая пара, которую нельзя назвать бинарной оппозицией в силу глубокого взаимного проникновения интенций и обыденных проявлений одного (творца) и другого (маргинала).

Человек, отступающий от правил/маргинал, – это также русский провинциал. Его личность воплощает глубоко противоречивые духовные основы, характерные для российской традиции.

Резюме о культурных смыслах русской провинции

Русская провинция просторна и тесна, богата и бедна, открыта и таинственна. Мы полагаем, что русская провинция приобрела качество сложного художественного образа и, как мы указывали ранее, философской метафоры. Это является следствием того, что русская провинция принципиально негомогенна как в прошлом, так и в настоящем.

Насыщенность противоречивыми оценками и страстными эмоциями, многообразие деталей, человеческих характеров и жизненных коллизий превратили русскую провинцию в своего рода метафору.

По аналогии с известным парадоксальным словосочетанием Вл. Соловьева («русский европеец») к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская». Как столица не может восприниматься идеальным топосом по отношению к провинции, так Европа – по отношению к России. Мысль Н. Бердяева строга и критична: «Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна» [Бердяев 1990, 127]. Следовательно, русская провинция в ее консервативности и динамичности – это неиссякаемый источник культурных смыслов и взыскующий интереса объект изучения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Советский писатель, 1990.

Бурлина 2016 – *Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А., Голубинов Я.А., Барабошина Н.В., Шиллинг Е.* Хронотопия города: монография. В 2 т. – Самара: Книжное издательство, 2016.

Васильев 2003 – *Васильев К.В.* Избранное. Книга стихов и эссе. – Ярославль: Ньюанс, 2003.

Воронина 2016 – *Воронина Н.И.* Хронотоп моей судьбы. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016.

Даль 1955 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Злотникова 2010 – *Злотникова Т.С.* Провинциальная культура как объект прикладной культурологии // *Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований* / под ред. И.М. Быховской. – М.: Смысл, 2010. С. 427–438.

Злотникова, Летина, Ерохина, Киященко 2014 – *Злотникова Т.С., Летина Н.Н., Ерохина Т.И., Киященко Л.П.* Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // *Вопросы философии*. 2014. № 11. С. 125–136.

Исторический город... 2010 – *Исторический город русской провинции как культурный универсум* / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.

Культурфилософское обоснование... 2014 – *Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального* / под науч. ред. М.В. Новикова, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014.

Мир русской провинции... 1997 – *Мир русской провинции и провинциальная культура*. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

Модель культуры... 2013 – *Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах: коллективная монография* / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной, Н.Н. Летиной, М.В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013.

Пермиловская 2013 – *Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург; Архангельск; Ярославль: Правда Севера, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013.

Соллогуб 1991 – *Соллогуб В.А.* Симбирский театр // *Русский театральный фельетон*. – М.: Искусство, 1991.

Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. С. 140–288.

Тихонова 2019 – *Тихонова А.Ю.* Культурное наследие провинции: история становления и сохранения // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5. С. 193–201.

Трефолов 2015 – *Трефолов Л.Н.* Собрание сочинений. – М.: Директ-Медиа, 2015.

REFERENCES

Berdyaev N.A. (1990) *Destiny of Russia*. Moscow: Soviet writer (in Russian).

Burlina E.Y., Ilivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A., Golubinov Y.A., Barbashina N.V., & Schilling E. (2016) *The Chronotopia of City*. Samara: Knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Dal' V. (1955) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries (in Russian).

Novikov M.V., Zlotnikov T.S., & Erokhina T.I. (Eds.) (2014) *Cultural and Philosophical Substantiation of Transformations of the Russian Experience in the Context of Interaction of Global and Local*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Permilovskaya A.B. (2013) *Cultural Meanings of Folk Architecture of the Russian North*. Arkhangelsk: Pravda severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Sollogub V. A. (1991) Simbirsk Theatre. In: *Russian Theatrical Feuilleton*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Solovyov V.S. (1988) Philosophical Principles of Integral Knowledge. In: Solovyov V.S. *Works in 2 Vols.* (Vol. 2, pp. 140–288). Moscow: Mysl' (in Russian).

Sternin G.Y. (Ed.) (1997) *The World of Russian Provinces and Provincial Culture*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin (in Russian).

Tikhonova A.Y. (2019) Cultural Heritage of the Province: The History of Formation and Preservation. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2019. No. 5, pp. 193–201 (in Russian).

Trefolev L.N. (2015) *Collected Works*. Moscow: Direct-Media (in Russian).

Vasilyev K.V. (2003) *Selected. Book of Verses and Essays*. Yaroslavl: Nuance (in Russian).

Voronina N.I. (2016) *The Chronotope of My Destiny*. Saransk: Mordovia University Press (in Russian).

Zlotnikova T.S. (2010) Provincial Culture as an Object of Applied Cultural Studies. In: Bykhovskaya I.M. (Ed.) *Cultural Studies: Fundamental Bases of Applied Research* (pp. 427–438). Moscow: Smysl (in Russian).

Zlotnikova T.S., Erokhina T.I., Letina N.N., & Novikov M.V. (Eds.) (2013) *Model of Culture of the Russian Province in Authentic, Historical-Typological and Globalization Discourses*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).

Zlotnikova T.S., Letina N.N., Erokhina T.I., & Kiyashchenko L.P. (2014) The Russian Province in Philosophical Discourse: Conceptualization of Metaphor. *Voprosy filosofii*. 2014. No. 11, pp. 125–136 (in Russian).

Zlotnikova T.S., Novikov M.V., Didkovskaya N.A., & Erokhina T.I. (Eds.) (2010) *Historical City of the Russian Province as a Cultural University*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University Press (in Russian).